



Правдолюбец

Александр ЯШИН

Об Александре Яшине написано столько, что кощунственно, вроде бы, рассказывать об одной-единственной встрече. Но, как говорится, в хозяйстве все пригодится, в том числе и в литературном. Автограф Яшина, единственный в моем архиве, – на книжке «Сирота», изданной в 1963 году в издательстве «Молодая гвардия», – помогает точно восстановить дату этой встречи: 28 августа 1967 года.

В тот день в захолустный районный центр Вашкинского района – Липин Бор – прибыл теплоход с писателями, многие из которых уже были мне знакомы по тотемским и вологодским встречам. Именно тот теплоход, который Николай Рубцов чуть позднее назовет «Последним парходом» в одноименном стихотворении, посвященному Яшину.

Вашкинцы встречали теплоход на пристани, длинном бетонном пирсе, узкой полосой вдававшемся в гладь Белого озера. Тепло поздоровались с Василием Беловым, Николаем Рубцовым, Александром Романовым, Виктором Коротаевым и, конечно, с самим Александром Яшиным. Сергей Викулов в этот раз не приехал, он уже перебрался в Москву заместителем редактора журнала «Молодая гвардия».

Яшина мне показали издали: он был высокий, тощий, костистый, с рыжеватыми усами и близорукими, но пронизательными глазами. Рак уже иссушал его, пожирал, словно огонь дерево, от которого остается только сердцевина.

Времени до вечера оставалось много, и гостей увезли на озеро, к рыбакам, чтобы накормить ухой из белозерского судака. Поехать с ними в тот день я не смог: надо было заканчивать выпуск газеты. Успел только до начала литературного вечера зайти к себе домой вместе с Василием Беловым: у него не оказалось номера журнала «Север» с недавно опубликованной повестью «Привычное дело», а хотелось прочесть зрителям отрывок из нее.

Зал районного Дома культуры был переполнен. Естественно, все ждали яшинского выступления. Он рассказал о своем детстве, о первых литературных опытах, о первом гонораре, за который его высекла мать...

К тому времени я уже знал, что Яшин добр и благожелателен, но может быть и жестким и язвительным с теми, кто ему не понравится. По Вологде ходили о нем настоящие легенды. Говорили, что он любит мистифицировать московскую публику, не знающую деревни: начнет рассказывать правдиво, с точными деталями о каком-нибудь деревенском обычае, а потом такую небылицу загнет, что слушатели только руками

разводят, пока не догадаются, что их попросту дурачат. Начнет он, к примеру, описывать деревенскую баню, все скажет: и какая там каменка, и как дымовая вытяжка устроена, и как полок сбит. Слушатели заворожены: язык у рассказчика сочный, детали живописные. А Яшин с тем же серьезным и увлеченным видом продолжает:

– Ставят баню обычно среди деревьев, окна у нее широкие, светлые, по всему фасаду. Сперва ребята сбегают вымоются. Потом девки идут, а ребята уж тут как тут – прилипнут к окошkam – не оторвешь!

Только теперь слушатели догадываются, что их провели. Впрочем, за достоверность рассказа не ручаюсь: мало ли что можно услышать о большом поэте!

В конце своего выступления Яшин заговорил об отношении писателя к литературе и, совершенно неожиданно, обрушился... на меня!

– Сегодня Вася Белов мне рассказал, что есть у вас редактор газеты, который мог бы писать, но вот променял писательское дело на редакторскую должность. Дело его, конечно. Но думаю, что не раз ему еще вспомнится это отступничество. Нельзя менять литературу на карьеру!

Я был возмущен и обижен. Обозвать человека, которого не знаешь, ни разу не видел, карьеристом без всякого на то основания – это уж слишком! Хороша «карьера»: жить в продуваемой всеми ветрами квартире, не спать ночами, добывать с великими трудами все – от дров для редакции до наборных касс и шрифтов, пешком мотаться по всему району, ночевать чуть ли не в стогах, но все же делать газету – какой уж тут карьеризм!

Мог бы писать... Сам я далеко не был уверен в этом: первые мои литературные опыты оказались неудачными.

После вечера ко мне подошел Василий Белов и смущенно сказал:

– Вася, ты извини. Яшин меня просто не понял. Я вовсе не то имел в виду, рассказывая ему про тебя. И на него не обижайся, не со зла ведь он. Давай подойдем к нему, познакомимся.

Я краснел и бледнел, сжимая в руках яшинскую книжку «Сирота». Однако пошел. Белов представил меня Александру Яковлевичу.

– Не обиделся? – спросил Яшин, протягивая руку и ласково глядя на меня. – Может, резковато сорвалось у меня в запале. Извини...

Он взял из моих рук книгу, полистал:

– Ты хоть читал ее?

– А как же!

– Ни одной пометки нет. Я, когда книгу читаю, всю исчеркаю, вдоль и поперек...

И написал на титульном листе:

«Василию Елесину. Желаю творческих удач. Александр Яшин. 28 августа 67 г.»

После писательского вечера состоялся банкет. Он проходил тихо и грустно, без привычных в таких случаях тостов и здравиц, сосед с соседом переговаривались шепотом. Яшин сидел молчаливый, угрюмый, усталый. Его попросили почитать стихи, и он, неожиданно для всех, а уж тем более для «отцов» района, начал читать стихи о собаке, которая когда-то охраняла лагерь заключенных, а с ликвидацией лагеря скрылась в лес и одичала. На месте лагеря построили город, и на первомайской демонстрации обочь колонны вдруг появилась овчарка, следя, чтобы никто не нарушал строя...

Предрик и первый секретарь райкома поживались: слишком неосторожным по тем временам было стихотворение.

После банкета проводили Яшина на теплоход.

Его любили все, несмотря на вспыльчивость, резкость и даже грубость. Как о крестном отце отзывался о нем Василий Белов: ведь именно Яшин посоветовал ему перейти от стихов к прозе. В одном из своих писем ко мне Рубцов писал: «В Москве был у А. Яшина. Осталось хорошее, хотя и грустное воспоминание: слишком уж часто он болеет...» Еще при жизни Яшина он посвятил ему одно из лучших своих стихотворений – «Осенние этюды».

Но, тем не менее, Яшин – человек очень сложный. Недавно я перечитал его знаменитую «Вологодскую свадьбу», в который раз пытаюсь понять, чем же она так напугала руководителей Никольского района, Вологодской области, да и многих высокопоставленных москвичей. Что же? Рассуждения, как писал позднее Александр Романов, «о неумелом руководстве, о пагубности очковтирательства, о личном скоте в деревне, о необходимости сенокосных площадей для него, о пьянстве, о сельском бездорожье»?

Безусловно, все это вызывало неприятие тогдашних хозяев жизни. Появись «Вологодская свадьба» до 1953 года, автору грозил бы если не расстрел, то умопомрачительно большой срок лагерей. Но времена изменились, и хотя скрипела зубами партийная элита, читая «Вологодскую свадьбу», хотя и устроила травлю поэта, но физически устранить его уже не могла.

Однако было в очерке еще нечто такое, что до сих пор вызывает раздражение, и, что удивительно, не только у власть имущих. Дело в том, что в очерке задето самолюбие самих крестьян. Хорошо знающему деревню известно, насколько щекотливо относятся ее обитатели к публичному обсуждению их характеров, нравов, привычек, внешности. Тут правдивость Яшина оказала многим героям очерка плохую услугу. Вот невеста Галя – «недородная, нерослая, несильная», она «не ходит, а носится». Мать собирает ей в кованный сундук приданое: «сколько ни старалась, сундук оставался наполовину пустым, пока не догадались сложить в него и домотканые половики, и пару валенок, и даже ватник».

Я на минуту представил, как соседи невесты, деревенские старухи «перемывают косточки» родителям невесты:

– Да что ты, Марья, в сундук-от и половики, и катаники скидали! Смех, да и только!

За такую сплетню соседки поссорились бы навек. А тут ведь не деревенские пересуды, тут – на весь Союз нерушимый! Как же не быть обиде на автора?

Жених в «Вологодской свадьбе» – «несообразно высокий и художочный», он «ввалился на кухню пьяным и гордым собою не в меру». Или это: «сразу напился и пошел кренделя вертеть дядя жениха. Он еще до женитьбы судился дважды за хулиганство». А с каким смаком женщины обсуждают, как бьют их мужья!

Скажут: а разве это не правда? Спору нет, правда истинная и жесткая, она не вызывала бы отторжения в рассказе или повести. Но автор писал очерк, места по описанию узнали все жители Никольского района, узнали и героев, о которых написано столь много интимных, а иногда

и обидных подробностей. Как же должны были воспринимать их герои очерка, живые люди, между прочим? Конечно, с обидой на автора.

Кстати, в повестях «Высочка» и «Сирота» не меньше обидных для героев деталей, но там автор отвлекся от конкретных деревень и людей, там обобщенные характеры, там именно детали создают впечатление художественной правды. Обидные же слова в очерке ранили живых, конкретных людей. Я отнюдь не стремлюсь преуменьшить значение «Вологодской свадьбы», а лишь пытаюсь понять, почему эта очень талантливая вещь не получила широкого признания в самой северной деревне.

В своем стремлении к предельной искренности Яшин не щадил и близких, и хорошо знакомых. Достаточно почитать его дневники. Не знаю, думал ли он о том, что дневники будут опубликованы после его смерти. Скорее всего нет, иначе он избежал бы многих неоправданных резкостей. Вот что, к примеру, пишет он о Белове, у которого гостил в Тимонихе (март 1966 года):

«Утром дочитал рукопись Белова (очерк) «В родных палестинах», которую у него не принял Твардовский. Понял, почему Ф. Абрамов, прочитав этот очерк, говорил мне, что Вася «не прост», «не так прост», «хитрый он мужик» и т.д. Прет тщеславие, которое в жизни он тщательно скрывает, рисуясь простачком».

Запись в дневнике от 29 марта: «Некогда В. Дементьев в КОРе на вечере, напившись, брякнул насчет того, что он не будет лизать... А именно такие-то и лизут всю жизнь – только власть имущим (Панферову, сейчас Кочетову)».

В одном из писем Федору Абрамову Яшин написал и такие слова: «Я всю жизнь прокладывал дорогу вологжанам, а они поодиночке и скопом продают меня».

Думается, что поэт и тут «переборщил»: ведь и дом на Бобришном угоре, и защита его произведений в печати, в публичных выступлениях, и памятники Яшину, и ежегодные литературные праздники в его честь в Никольске и Вологде – заслуга именно вологжан.

Правда, и Яшин во многом помог Сергею Викулову, Александру Романову, Виктору Коротаеву, другим вологодским писателям. Он не формально, а всамделишно вдохнул «душу живу» в Вологодскую писательскую организацию. Вдохнул отнюдь не заступничеством перед грозными редакторами столичных журналов и издательств, хотя было и такое. Правда, и только правда была девизом зрелого Яшина. За правду и били его. Немудрено, что он сам иногда отбивался не глядя, отчего доставались тычки и ни в чем не повинным людям. Но главное, он учил стоять прямо, не сгибаясь ни под какими ветрами, и семена его учения упали в добрую, благодатную почву, которая и породила вологодскую «литературную школу».

И хотя выпала мне на долю всего одна встреча с Александром Яковлевичем Яшиным, но своими стихами и поэмами, своей изумительной прозой, своей неповторимой фигурой он навсегда остался в памяти моего сердца.

